

Р.Ю. Порозов, кандидат культурологии, доцент кафедры «Культурология»
Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург (Россия)

Ключевые слова: визуальные стратегии; российская культура; визуализация; городское пространство.

Аннотация: В статье рассматриваются визуальные стратегии, которые формируют культурное пространство современного российского города. В качестве объекта анализа предложен Екатеринбург, в культурном пространстве которого указанные стратегии сосуществуют. Автор последовательно устанавливает и называет типы визуальных стратегий, описывает их существенные черты. Визуальный ландшафт современного Екатеринбурга позволяет также определить режимы взаимодействия данных стратегий.

Постановка проблемы. Российская Федерация является одним из примеров высокоурбанизированной страны. Доля населения, которая проживает в городах, составляет порядка 73 % [1]. Это позволяет нам утверждать, что пространство российского города репрезентирует основные процессы и тенденции, которые происходят в современной культуре.

Анализ последних исследований, в которых рассматривалась проблема «современного российского города», показывает, что количественные показатели не являются исключительными основаниями, позволяющие ставить знак равенства между «городом» и «современной культурой». Социокультурный дискурс подразумевает обращение к иному критерию, определяющим «современность», в частности – феноменологии культуры. В данном случае мы имеем дело со следующим вопросом – когда российская культура становится вариантом (цивилизационным, региональным) современной культуры. Наиболее плодотворным путем, позволяющим ответить на поставленный вопрос, мы считаем обращение к визуальному пространству современного российского города. Итак, *целью настоящей статьи* является попытка рассмотреть визуальные стратегии, которые репрезентируют процесс включения российского города в логику развития современной культуры.

Изложение основного материала настоящего исследования. Первую специфическую черту современной культуры мы связываем с категорией «пространство». «Жизненный цикл» современной культуры тесным образом связан с городом. Но возникает естественное противоречие, с которым трудно не согласиться. Город как феномен культуры, бесспорно, существует не одно тысячелетие. Но только в современных реалиях город является практически абсолютным и единственным фактором культурогенеза. В предыдущие культурно-исторические эпохи город выступал на подчиненных ролях по отношению к другим «центрам культуры» (например, средневековому монастырю или замку феодала). Современная культура и ее производные (артефакты, явления, процессы и пр.) не только зарождаются в пространстве города, но также воспринимаются в качестве культурных норм и идеалов. Итак, культура приобретает черты «современной», когда город становится основным субъектом культурогенеза.

Последнее замечание требует некоторых уточнений, связанных с вопросом, когда в России *начинается* современная культура, понимаемая в качестве городской. Обращаясь к историкам, можно сослаться на политические предпосылки «современности» в российской культуре – началу 1990-х гг. Политические и экономические

последствия распада Советского Союза при всей масштабности этого события нельзя назвать «датой начала» современной культуры в новой России. Более разумным, с нашей точки зрения, следует принять другое основание. Это основание детерминировано не столько политическими мотивами (хотя, и они сыграли немаловажную роль), сколько социальными и культурными. В качестве такового мы предлагаем рассматривать стратегию развития городского пространства, которая инициирована непосредственно на муниципальном уровне. Подобные стратегии, в отличие от «внешних» (общефедеральных, целевых) программ меняют характер развития российского города. Город, чтобы считаться успешным экономическим, социальным и культурным проектом, должен опираться на внутренние ресурсы. Собственная стратегия развития действительно стала поворотной точкой в жизни российского города, поскольку активизировала значимые процессы, которые характеризуют современную мировую культуру. Опишем их.

Эмансипация. Современная культура манифестирует принцип свободы и уход от норм, выработанных в рамках традиционной социокультурной системы. Заметим, что город постепенно и на протяжении столетий стал пространством, в котором человек завоевывал свободу и права. Конечно, сейчас остается за рамками данной работы этическая оценка свобод и обязанностей, без которой они не существуют. Только в таком пространстве могло появиться правило – «*Stadtluft macht frei*» (нем. «Городской воздух освобождает»); по средневековому обычаю беглый крепостной, проживший в городе долгое время, становился лично независимым. Эмансипация, как правило, понимается в качестве оппозиции традиции. Однако городское пространство, которое функционирует как эмансипированное, должно (в идеале) принимать традиции и считаться с ними. Мы предполагаем несогласие с этой мыслью и возможные контраргументы, например – «Современная эмансипированная культура под благими намерениями уничтожает традиционную». Но в данном случае мы имеем дело не с эмансипацией, а культурным реакционизмом.

Казуальность и конструктивизм. Современная городская культура строится на желании эксперимента и перманентного формотворчества. Зачастую эксперименты носят открытый провокационный характер. Это актуализирует и делает востребованным в культурном пространстве такие практики, как перформанс и хэппенинг. В отличие от классических драматических действий они основаны на ситуативной и контекстуальной

интерпретации, которые обусловлены городской реальностью (т.е. манифестация социального вызова). Так, в январе 2013 года в центре Екатеринбурга на уличные фонари были повешены большие абажуры, которые по замыслу художника Т.Радя, должны были создавать в городе чувство уюта и домашней гармонии.

Рационализация, понимаемая как построение логически обоснованная реальности. Объектами рационализации становятся не только физическое пространство современного города: архитектурно-планировочные решения, инфраструктура. На макроуровне рационализации также подвергается общественное пространство: социальная структура и отношения между людьми. Социальная структура города основана на статусах и ролях, достижение которых происходит в соответствии с «общественным договором». Отношения выстраиваются на прагматических (функциональных и профессиональных) основаниях. В данном случае мы ссылаемся на слова классика прагматической философии Ч.Пирса, который как нельзя лучше описал социальные отношения в современном городе: событие «несомненно будет происходить в обозримом будущем со всяким, кто выполнит определенные условия» [2]. Для современного горожанина важны предсказуемость и логичность событий.

Представленные процессы, по нашему мнению, находят визуальную репрезентацию (т.е. отражение) в культурном пространстве современного российского города. Вопрос в том, в какой мере данные процессы визуально представлены в городе? Необходимо обратиться к понятию «стратегия». В нашем понимании, стратегия культуры – это функционирование культуры по установленным правилам, которые определяют перспективы ее развития. Как может показаться, понятие «стратегия культуры», хотя и близко, но не равно понятию «культурно-историческая эпоха». Культурно-исторические эпохи (классическое деление: Древний мир, Средние века, Новое время и т.д.) также функционируют по определенным правилам. Это и позволяет историкам, искусствоведам, теоретикам культуры проводить условную границу между эпохами. Однако отдельное внимание к конкретной эпохе показывает, что одна и та же культурная проблематика могла решаться различными путями. Другими словами, социальные и культурные группы видели «свое решение» текущей проблемы. Решение могло рождаться в результате конфликта, компромисса, внешнего влияния и пр. Например, Средние века, вне всякого сомнения, принимаются в гуманитарной науке как теоцентрический тип культуры: проблема верховенства власти могла решаться различными способами – в пользу светских либо религиозных иерархий. Также по-разному решалась проблема отношений между Богом и человеком: при посредничестве института церкви или вне такового, ответом на вопрос стало появление нового направления в христианстве – протестантизма. Итак, стратегия – это также постановка социокультурными группами конкретных целей и попытка их достижения в соответствии с определенными правилами. Но помимо мировоззренческих установок и философской базы указанные группы манифестируют свое видение текущей проблемы также и на уровне визуального культуротворчества, формируя при этом специфический визуальный ландшафт.

Это позволяет не только осваивать культурное пространство, но закреплять его за собой. Визуальный ландшафт современного города мы можем рассматривать как своеобразный «культурный тезаурус», который был составлен в процессе культуротворчества определенными социокультурными группами. Резюмируем, визуальными стратегиями мы называем освоение культурного пространства социокультурными группами по определенным правилам и закономерностям, в результате которого формируется специфический визуальный ландшафт.

Екатеринбург, который мы предлагаем в качестве объекта рассмотрения в рамках настоящей статьи, представляет актуальные для современного российского города визуальные стратегии. По нашему мнению, в культурном пространстве современного Екатеринбурга представлены две визуальные стратегии, которые можно назвать «государственная» и «внутригородская». Названия носят условный характер. Но такими номинациями мы бы хотели подчеркнуть следующее. Первая стратегия формирует визуальный ландшафт Екатеринбурга в соответствии с общегосударственными целями и задачами. Культуротворчество групп, которые направляли либо направляют данные стратегии, обусловлено необходимостью включения Екатеринбурга в контекст общероссийской культуры. Оговоримся, что данный тип визуальных стратегий не следует воспринимать в качестве «давления на город извне» – здесь мы далеки от политической или политологической интерпретации. «Государственные» визуальные стратегии могут инициировать и поддерживать городские силы (не только муниципальные политические элиты, но также творческая интеллигенция, субкультурные группы). Данная стратегия предопределена логикой урбанизации в России. Основание абсолютного большинства российских городов, и Екатеринбург в этом не исключение, было инициировано или в значительной мере поддержано государством. Конечно, можно отметить, что продвижение российского государства на восток было осуществлено во многом благодаря «вольным людям» (казаками, ушкуйниками), но в конечном итоге именно русский царь принимал «новые земли под свою руку». Когда в начале XVIII века и в последующие годы российскому государству были жизненно необходимы ресурсы для модернизации, а также ведения войн, территория Среднего Урала как нельзя лучше подходила для решения поставленных задач. Значительный пласт материальной и духовной культуры, созданный в городской системе, был детерминирован индустриальным характером производства. Определения, которые приписывают Екатеринбургу – «город-завод» и «город-крепость», – подтверждают этот факт. Также в научной литературе появляется специальная характеристика, описывающая особый тип культуры, который может быть отнесен и к Екатеринбургу – горнозаводской.

Второй тип визуальных стратегий – «внутригородской» – определяется необходимостью поиска российским городом самостоятельного вектора культурного развития. Эта стратегия развивается не столько как противовес первому типу, сколько как попытка городского самоопределения. Российский город обращается к ней в том случае, когда первая стратегия не может

разрешить текущие социокультурные противоречия. Исторические документы, в частности «Городские поселения в Российской империи», свидетельствуют об этом. Так, например, когда в середине XIX века индустриальное производство перестало удовлетворять нужды города, Екатеринбург был уравнен в правах с губернскими и портовыми центрами; а ранее, в 80-х гг. XVIII века в городе был открыт магистрат [3]. Переход к новому типу культуры – постиндустриальному – также вынуждает Екатеринбург обращаться к «внутригородской» стратегии развития.

Каким образом мы можем рассмотреть присутствие, а также режимы взаимодействия данных визуальных стратегий в современном Екатеринбурге? Первым моментом для анализа может стать способ аккумуляции пространства. Визуальный ландшафт города формируют т.н. культурные доминанты – основной признак культуротворчества человека в городском пространстве. Доминанты визуального ландшафта могут быть заданы природой – горами, реками, лесами. Человек, приходящий в природное пространство, органически сосуществует с ним (например, в восточном типе культуры), либо подчиняет себе (в европейском типе культуры). Индустриальная экономика, сформировавшаяся к 1930-40-м гг. визуальный облик Екатеринбурга, подчинил, либо элиминировал из культурного пространства природу как самостоятельную стихию. Однако современный Екатеринбург, который стремится стать «центром агломерации с элементами мирового города» [4], пытается выстраивать более конструктивные отношения с природой, возвращает ее в культурное пространство аналогично тому, как с этим принято поступать во всех мировых мегаполисах. Так инициативные группы и городская общественность готовы открыто защищать и доказывать необходимость естественной среды в визуальном ландшафте Екатеринбурга.

Доминанты визуального ландшафта также задаются типами архитектурных построек. Традиционными ориентирами Екатеринбурга выступали артефакты индустриальной экономики: трубы фабрик, дороги и улицы, расходящиеся от зданий управлений заводов. В настоящее время ключевыми доминантами визуального ландшафта Екатеринбурга являются постройки, которые удовлетворяют, с одной стороны, приватные и индивидуальные потребности (жилые «высотки», торговоразвлекательные центры), а с другой – здания, функционирующие в условиях новой постиндустриальной экономики (офисы частных компаний и корпораций).

Итак, смена доминант визуального ландшафта в условиях современной культуры отражает, каким образом в Екатеринбурге меняются стратегические интересы от общегосударственных к внутригородским.

Горнозаводская культура, которая была инициирована в рамках государственной стратегии городского развития, в современном Екатеринбурге визуально репрезентирована преимущественно на районном уровне. Субъектами, которые по-прежнему стремятся транслировать культурные ценности данного типа культуры, являются районы, ставшие локомотивами уральской индустриализации: Уралмаш (Уральский завод тяжелого машиностроения), Эльмаш (бывший завод Уралэлектротраппарат, сейчас – Уралэлектротраппарат), Химмаш (одноименный завод в системе химического машино-

строения). Об этом мы можем судить, в частности, анализируя праздничную культуру, которая связана с деятельностью заводов (День металлурга, День машиностроителя, юбилеи заводов и т.п.).

Один из микрорайонов Екатеринбурга – Уралмаш – является классическим образцом индустриального городского района, и «промышленная» тема пронизывает структуру социокультурного пространства. Архитектурная планировка района имеет четко определяемый «центр притяжения» – Уральский завод тяжелого машиностроения. Главные улицы расходятся от центральной площади, расположенной около здания заводоуправления. Ведущим архитектурным стилем является конструктивизм как выражение технологического совершенства человеческой мысли. Сеть маршрутов района, улицы и дороги, берущие начало от завода, рационально расположены и четко оформлены рекреационные, производственные, жилые, социальные зоны. Урбанонимы – именной пласт, представленный официальными и неформальными названиями локусов городского пространства – отражают производственную жизнь района (названия улиц: Машиностроителей, Индустрии, Заводская, Уральских рабочих и т.п.). Нами проводился анализ урбанонимов, в частности – название улиц Уралмаша. Абсолютное большинство из них – за исключением абстрактных названий (например, пер. Зеленый или Древесный) – репрезентируют две темы. Первая тема – коммунистическая; вторая – производственная. Логика использования данных урбанонимов согласуется с историей района, который устраивался как «отец заводов и фабрик» под прямым контролем партийных органов.

Итак, можно отметить следующую черту визуального ландшафта современного Екатеринбурга: промышленная составляющая города редуцируется до периферийных районов.

Говоря о втором типе визуальной стратегии («внутригородской»), мы обнаруживаем новое ее свойство – прагматическую направленность. Прагматизм – это качество, которое ранее в истории российского города практически отсутствовало. Девизом российского города может стать высказывание: «Истинное то, что приносит практическую пользу моему городу». От внимательного взгляда не может скрыться «культурная конкуренция» между российскими региональными центрами. Возможно, мы сгущаем краски, однако повышение уровня социальной, культурной и политической конкуренции все же стоит отметить. Визуальные тексты российских новых мегаполисов приобретают всё большую ангажированность и интенциональную (наличие замысла) направленность. Российский город пытается, по нашему мнению, писать собственную биографию, и визуальные коды включаются в эту работу. Если ранее биография города определялась внешними силами (например, государственной властью), то в настоящее время эта деятельность понимается как «дело собственных рук». В доказательство этого тезиса, мы позволили сравнить два российских города – Екатеринбург и Казань. В обоих городах визуально репрезентируется схожая тема – «город на границе Европы и Азии». Следует отметить парадоксальность, на первый взгляд, использования данной темы. Екатеринбург действительно может использовать данный лозунг в силу географической

данности; в нескольких километрах от города расположена стела-фронтир, разделяющая две части света. Однако по особенностям городской планировки, архитектуры, деловой и экономической активности Екатеринбург представляет собой европейский, нежели «пограничный» город. Казань, свою очередь, также имеет право именоваться «город-на-границе». Действительно, социокультурное пространство города визуально артикулирует две ментальности – европейскую и восточную. Но с точки зрения географии, городу до границы частей света не менее 1000 км на восток. Мы нисколько не хотели обидеть города данными примерами; нами отмечается исключительно то, насколько прагматично российский город «разыгрывает» свою роль, в попытке включиться в общемировые культурные тренды.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Представленные визуальные стратегии формируют неоднозначный и плюралистический облик современного российского города. Режимы взаимодействия между данными стратегиями задают и влияют на социокультурную динамику городских процессов. Мы предполагаем, что устойчивое развитие российского города будет предопределено в ре-

зультате разумного баланса между ними. В дальнейшем мы попытаемся обратиться к проблеме культурных практик, которые формируют визуальное пространство современного российского города. Мы надеемся, что стратегии, которые были нами выделены, имеют под собой практическую реализацию.

Статья подготовлена в рамках государственного задания №2014/392 НИР №1881.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 12.
2. Пирс Ч. Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М: Логос, 2000. С. 311.
3. Городские поселения в Российской империи. Т. 3. Спб. Типография К. Вульфа, 1863. С. 640.
4. Стратегический план развития муниципального образования «город Екатеринбург» до 2020 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ekeburg.ru/officially/strategy_plan/newproject (дата обращения: 20.08.2013 г.).

VISUAL STRATEGIES OF MODERN RUSSIAN CULTURE

© 2014

R.Yu. Porozov, candidate of culturology, associate professor of the chair «Culturology»
Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg (Russia)

Keywords: visual strategies; Russian culture; visualization; urban space.

Annotation: The article deals with the visual strategies that develop the cultural space of modern Russian city. As the object of the analyses we examine the cultural space of Yekaterinburg that represent interaction of these strategies. The author defines and names types of visual strategies, outlines essential features. The visual landscape of modern Yekaterinburg allows to determine the relation modes between these visual strategies.